

М. ГИППЕНРЕЙТЕР

ЖИЗНЬ
ПОДРОСТКА

Бегство к себе

«На этой истории моей дочери я убедилась: к детям
надо прислушиваться, в них надо верить».

Ю.Б. Гиппенрейтер

Мария Вадимовна Гиппенрейтер

Бегство к себе. Жизнь подростка (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19436201

Мария Гиппенрейтер. Бегство к себе. Жизнь подростка: АСТ; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-093861-2

Аннотация

Перед вами история взросления дочери знаменитого детского психолога Ю. Б. Гиппенрейтер – Марии Гиппенрейтер. Необычная книга о взрослении, тяге к мечте. «Бегство к себе» автобиографическая книга о том, как не сворачивать с намеченного пути и следовать за своей мечтой.

Иллюстрированное издание.

Содержание

Идти своим Путем	5
Предисловие	9
Байкал	10
Кордон	12
Уроки	16
Карлуша	20
«Дача»	33
Зырин	40
Браконьеры	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария Гиппенрейтер

Бегство к себе.

Жизнь подростка

Иллюстрации выполнила Мария Пинкисевич

© Мария Гиппенрейтер, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Моим Родителям и Алеше, необыкновенным
людям, которые передали мне дух свободы и
поддерживали при всех поворотах судьбы.*

Идти своим Путем

Моя дочь Маша стала писать воспоминания о своей жизни, когда ей было почти пятьдесят лет, а я прочла их совсем недавно. К моей памяти о том, что происходило в то время, прибавились ее собственные впечатления о тех же событиях. Увидеть их ее глазами было очень интересно!

Случилось так, что Машин отец и я разошлись, когда Маше было три года. Всякий развод – потрясение для взрослых, а для детей не меньше! Но дети не виноваты, и при разводе они нуждаются в мудром поведении со стороны обоих родителей. Глубоко веря в это, я делала все, чтобы Маша продолжала любить отца и видеться с ним. Она проводила с ним столько времени, сколько он мог. От их контакта произошло много замечательных вещей, о которых она пишет¹. Главное, ей передались от него любовь к природе, чувство ее красоты и тяга к свободной «естественной» жизни.

С самого раннего детства Маша «сходила с ума» по всему живому – лесу, белкам, лягушкам, собакам, котикам и лошадям. Однажды я услышала от нее мольбу: «Ну заведи ты мне хоть кого-нибудь, хоть птичку, хоть рыбку, хоть какое-нибудь живое существо!» Откладывать дальше было

¹ Сейчас, когда отцу Маши, известному фотохудожнику В. Е. Гиппенрейтеру исполнилось девяносто шесть лет, она стала его главной опорой в жизни, соавтором и популяризатором его наследия.

невозможно. Так у нас появился щенок-спаниель Тимка. Потом еще были и птички, и рыбки, и ежики, и даже белая крыса; все это бегало и летало по квартире, за исключением, конечно, рыбок.

Подрастая, моя дочь все время жаловалась на «эту противную городскую жизнь». Несколько спасали походы в лес с папой, путешествия на байдарках, поездки в горы, но все-таки это было «не то» – опять приходилось возвращаться в город и идти в школу!

Тем не менее помощь, которая приходила от возможностей «городской жизни», и главное – от окружающих людей, «в лесу» она бы никогда не нашла: Дарвиновский музей, и при нем – кружок юных орнитологов, биологическая школа, зверинец К. Э. Фабри, и по другой линии – секции батута, самбо, горные лыжи. Все это ее развивало и укрепляло. Мой муж Алеша (Машин отчим) разделил заботу о Маше-подростке, много с ней беседовал «по душам», не раз приходил на помощь, когда она особенно нуждалась в эмоциональной поддержке.

Подошел конец Машиной школы. Это был момент «освобождения». Неожиданно мы слышали:

«Учиться дальше никуда не пойду, хочу уехать!»

«Уехать куда?!»

«На Байкал! Поймите меня, я всю жизнь о нем мечтаю!!!»

Положение было трудным. Во мне глубоко сидело убеждение, что после школы надо идти в вуз. Остаться без выс-

шего образования никак нельзя! Так думали мои родители, так думала и я, да и все люди вокруг. С другой стороны, голос дочери звучал так категорично, что стало ясно: убедить или уговорить ее невозможно. Было и еще одно чувство – не хотелось давить на нее, ее ломать. Очень помогли в тот момент слова Алеши: «А почему, собственно, все должны иметь высшее образование? Есть много людей, *вполне достойно* живущих и без него». Подействовало слово «достойно». И я подумала: сильное стремление Маши идти своим путем, преодолевать трудности – разве это не шаг к достойной жизни? И захотелось ее поддержать. Несмотря на беспокойство и всякие переживания, мы согласились ее отпустить.

Машина поездка «на Байкал» – жизнь в глуши на берегу озера и работа в заповеднике – породила много историй. Хотя о тех событиях мы узнавали из ее писем, теперь, читая обо всем сразу, мы заново окунулись в замечательный, особый мир, в котором она оказалась. Пришлось также снова попереживать трудные, а иногда и опасные жизненные обстоятельства, на которые, можно сказать, эта «городская девочка» сама напросилась. Зато порадовали ее успехи и способность выживать.

Теперь, глядя назад, я понимаю, что отъезд из дома в семнадцать лет и погружение в непростую жизнь на Байкале не только принесли Маше яркие новые впечатления. Это был *переломный момент* в ее становлении как сильной независимой личности. Она испытала себя, поверила в свои силы

и укрепились в решимости всегда пробиваться к своим мечтам. В результате случился еще не один «крутой поворот» в ее жизни. Об этом – другие ее рассказы.

А я убедилась: все-таки к детям надо иногда прислушиваться – *из них верить!*

И еще приходит на ум одно мудрое изречение: «Чтобы вырастить одного доброго человека, нужны усилия целой деревни!». В рассказах Маши заметны «усилия деревни», которая ее «растила». Видно, сколько бесценной помощи она получила от многих людей – близких и не очень, бабушек и дедушек, друзей, родных, просто знакомых, учителей, биологов, влюбленных в свою профессию, лесников, сторожей и рабочих леса. Сознывая силу человека, я хочу низко поклониться всем людям, которые дарят эту силу.

Добавлю еще: хорошо жить так, чтобы было что вспомнить! Желаю этого всем, а особенно юным читателям. И не забудьте потом написать воспоминания – для себя, своих родителей, детей и внуков.

Ю. Б. Гиппенрейтер

Предисловие

Мне повезло. С раннего возраста я знала, кем хочу быть и что хочу делать в жизни. Во втором классе нам задали на дом написать сочинение «Кем я хочу быть». Я написала, что хочу быть зоологом, жить в лесу в избушке с дикими зверями и изучать их поведение. На обложку сочинения я наклеила большого полосатого тигра. Мне поставили пятерку.

С годами эта идея росла и крепла, и судьба заносила меня в неведомые края и ставила в трудные, невероятные и иногда смешные ситуации, с которыми надо было справляться. Со стороны могло казаться, что носит меня по жизненному океану, как кораблик без паруса. Но сейчас, глядя назад на свою жизнь, я вижу ту силу, которая всегда подталкивала и вела меня. Не важно, как она называлась – рука Бога, мое высшее «Я» или ангел-хранитель, но она была. Все жизненные ситуации и люди, с которыми я сталкивалась, всегда имели свою задачу: преподать мне урок и научить чему-нибудь, раскрыть и реализовать мои способности или вернуть меня «на путь истинный», если я от него отклонялась.

Байкал

Закончив школу, я почувствовала необыкновенную свободу. Теперь я смогу наконец осуществить свою мечту – уехать из Москвы куда-нибудь далеко и жить в лесу в избушке.

Еще я сказала себе и всем, что никогда больше не сяду за учебники. С меня хватило школы.

Весной, еще до окончания учебного года, по совету одного знакомого я написала письмо в Баргузинский заповедник на Байкале. В письме рассказала немножко о себе: что я только что закончила школу и хочу приехать в заповедник. Не найдется ли для меня какая-нибудь работа? Согласна на любую. В конце мая я, к великой радости, получила ответ (видимо, сработала фамилия – фотоочерки отца о природе печатались во многих изданиях и были хорошо известны). В письме говорилось, что есть ставки пожарного сторожа и лесника-радиста, и что нужно привезти с собой только самое необходимое. Я попросила у родителей денег на билет в одну сторону, сказав, что на обратную дорогу сама заработаю, собрала рюкзак и отправилась в путь – мой первый дальний самостоятельный путь.

Добираться до заповедника нужно было на трех самолетах

– на большом до Иркутска, на среднем – до Улан-Удэ и дальше на небольшом самолете – до заповедного поселка Давша. В Улан-Удэ билетов не оказалось. Город выглядел пустынным и каким-то вымершим, по улицам ветер гонял пыль и мусор. Остановиться мне было негде. Я пошла в аэропорт и попросилась на самолет без билета. Молодые бортпроводники – парень и девушка, усадили меня в своем закутке на пол на рюкзаке и сказали сидеть тихо. Так в начале июня я попала в заповедник. Мне было семнадцать лет.

Кордон

В поселке меня поселили в комнате для гостей и дали несколько дней на привыкание и осмотр окрестностей. Давша состояла из пары десятков домиков, в которых жили научные сотрудники и местные жители. Дорог ни туда, ни отсюда не было. С одной стороны поселок окружен озером, с остальных – горами. Сообщение было возможным только по воде или по воздуху.

Через несколько дней меня вызвал к себе старший лесничий и сказал, что может предложить мне два рабочих варианта. Он указал на высокую гору над поселком и сказал:

– Видишь вон ту гору, а на ней пожарную вышку? Так вот, там под вышкой стоит палатка, в которой можно жить. Нужно каждый день лазить на вышку и обозревать окрестности, нет ли где лесного пожара. До недавнего времени в палатке жил парень, который оттуда сбежал, так как в его отсутствие пришел медведь, порвал палатку, разбросал вещи, расплющил все его консервы и сожрал сгущенку. Парень отказывается идти обратно. Второй вариант – в семнадцати километрах отсюда на берегу озера есть кордон «Северный». Там нужен лесник-радист.

Обдумав оба варианта, я выбрала кордон, представив, как придется таскать на себе воду на эту гору с вышкой. Медведь почему-то меня не смутил.

На следующий день меня погрузили в моторную лодку с несколькими банками тушенки, мешком муки и мешком картошки и отвезли на кордон. Кордон состоял из двух домов. Тот, который поменьше, был заколочен и выглядел недостроенным. Во втором доме было три комнаты и две печки – одна с плитой для готовки, другая – русская. В одной комнате жил молодой паренек лет двадцати шести. Он работал лесником и часто уходил в обходы на несколько дней. Другая комната была завалена всяким его барахлом и хозяйственным скарбом, третья комната предназначалась для меня. Электричества не было. Туалета тоже не было, даже на улице. Вода – в озере. Зато были две лодки – одна деревянная весельная, другая моторная плоскодонка «Обь». Еще были две добродушные дворняжки, которые обрадовались новому поселенцу и радостно вокруг меня скакали.

Лесника звали Владик. Ростом он был мне по плечо, очень веселый, все время отпускал шуточки, балагурил, пел песенки и что-нибудь мне рассказывал. Мы с ним быстро подружились, и он стал опекать меня, как младшую сестру. Работа моя заключалась в том, чтобы следить за полосой воды шириной в три километра, чтобы туда не заходили никакие плавучие средства, так как воды эти принадлежали заповеднику. Выдали мне форму – китель и фуражку, переносную допотопную рацию «Недра П», и еще у нас была двустволка, на всякий случай. По рации я должна была выходить на связь с центральным поселком четыре раза в день и сообщать, не было ли нарушений.

– Нерпа, Нерпа, я Сокол, как слышите, прием!

Слышно было плохо. В трубке все трещало и хрипело, иногда комариным писком пробивался человеческий голос. На другом конце сидела радистка Нина, с которой мы быстро обменивались положенной информацией, и иногда очень коротко она сообщала мне какие-нибудь новости, так как болтать о пустяках по рации не разрешалось, да и докричаться друг до друга не всегда удавалось. (Через месяц мне привезли новую стационарную рацию с кучей кнопочек, рычажков и лампочек, по ней все было хорошо слышно, и мои мучения кончились.) В остальное время я была предоставлена самой себе, озеру, лесу и хозяйству. Зарплату мне определили в семьдесят рублей.

Уроки

Дня через два после моего приезда Владик спросил, умею ли я колоть дрова. Я сказала, что вроде умею. Тогда он дал мне топор и большую чурку и велел ее расколоть, а сам ушел. Чурка почему-то не кололась. От нее откалывались небольшие щепки, но большего я добиться не могла. Я должна была расколоть эту чурку! Это стало делом чести. Сдерживая подступающие слезы, промучившись с ней часа три и натерев кровавые мозоли, я все-таки буквально «разгрызла» ее на мелкие кусочки. Оказалось, что Владик наблюдал за мной через маленькое окошко в сенях и веселился. Потом он мне сказал, что чурка эта давно тут стоит, что она в принципе не колется, потому что древесина у нее крученая. Это была шутка, но я все равно молодец. Не сдалась, хоть и москвичка. Чурку, правда, жалко. На ней было удобно колоть дрова.

Надо сказать, что в те годы во мне преобладали в равной степени три основных качества: упорство, любопытство к жизни и желание учиться любым практическим навыкам. В дальнейшем мне все это очень пригодилось.

Следующим этапом моего обучения было освоение керосиновых ламп (как чистить стекла, как обрезать фитиль, чтоб лампа не коптила и светила ярко), а также печек с дымоходами, поддувалами и приготовлением на них еды. Владик показал, как замешивать дрожжевое тесто и печь хлеб в

русской печи. Поначалу у меня получались плоские и жесткие лепешки, которые то подгорали, то не пропекались. Но потом дело наладилось, и хлеб стал получаться отменный.

Я быстро освоила весельную лодку и часто заплывала далеко в озеро. Это стало одним из моих любимых занятий. Нередко на закате устанавливался штиль, и вода превращалась в зеркало, отражающее грандиозное цветковое представление, которое солнце и облака на прощание устраивали в небе – желтое, ярко-оранжевое, кроваво-красное буйство цветов сменялось фиолетовыми, изумрудными и затем более спокойными серо-розово-голубыми тонами, постепенно затухая вместе с уходящим солнцем. Я гребла по солнечной дорожке, пока она не гасла, и уже в темноте возвращалась обратно.

Вообще Байкал – место необыкновенное. Это самое глубокое озеро (по последним данным – максимальная глубина 1642 метра) и самый большой резервуар пресной воды на планете. Вода в Байкале всегда холодная, восемь-девять градусов, и даже летом в самое жаркое время не прогревается выше двенадцати-четырнадцати. Вода настолько прозрачная и чистая, что можно было, заплыв на большую глубину и свесившись с лодки, наблюдать подводную жизнь. Дно просматривалось на глубину до сорока метров. В озеро впадает более трехсот ручьев и небольших речек, а вытекает из него одна большая река – Ангара.

В Байкале водится пресноводная нерпа. Эти любопытные создания иногда сопровождали меня в моих плаваниях, высовывали из воды голову и следили за мной, выныривая то с одной, то с другой стороны лодки.

Несмотря на июнь месяц, с озера все время дул пронзительный, холодный ветер, который пробирал до костей. Первые две недели я надевала на себя все, что можно, — тельняшку, свитер, телогрейку, и все равно мерзла. Потом вдруг как-то неожиданно привыкла, перестала замечать холод, стала ходить босиком и даже часто купалась.

Постепенно я освоила и моторную лодку. Нужно было научиться, как заправлять и заводить мотор, чистить засоренные свечи, менять срезанную шпонку (ею, как правило, становился простой гвоздь). На моторке иногда приходилось ездить в поселок за продуктами.

Через пару недель моего пребывания на кордоне я реши-

ла, что надо выкопать туалет. Взяв лопату и выбрав место, я попыталась копать. Лопата вошла в землю на сантиметр и застряла. Выяснилось, что грунт вокруг кордона состоит из камней и гальки. Пришлось браться за кирку. Три дня я махала киркой и долбила землю, пока не образовалась яма подходящего размера. Иногда подходил Владик и подбадривал меня:

– Давай-давай. Молодец! Смотри, как у тебя уже получается.

Потом он мне помог сколотить кабинку, и у нас наконец появился туалет.

Карлуша

Однажды, гуляя по лесу, я наткнулась на двух воронят, тихо сидящих в траве. Видимо, они недавно выпали из гнезда. Вокруг летали взволнованные родители и истошно орали. Осмотрев птенцов, я заметила, что у одного из них кровь на лапке, и он как-то странно заваливается набок.

Оставив здорового птенца на попечение родителей, я принесла второго вороненка домой. При ближайшем рассмотрении оказалось, что у него сломан ноготок на лапе. Помазав ранку йодом, я посадила птенца в большую коробку. Через три дня он совершенно освоился, стал вылезать из коробки и расхаживать по комнате, внимательно изучая все вокруг. Встречал меня радостными криками, широко разевая клюв. Кормила я его размоченной булкой, земляными червями и рыбой. Так у меня появился новый друг Карлуша. Благодаря нашей дружбе и доверию, которое он мне оказывал, мне удалось подсмотреть и проникнуть в удивительные тайны вороньей жизни, психики и поведения, которые я бы никогда не увидела, наблюдая за дикими воронами. В отличие от ворон средней полосы на Байкале водится подвид черных ворон. Так что Карлуша был весь черный.

Через несколько дней я стала выпускать его на улицу. Он важно расхаживал по двору, крутя головой с боку на бок, тыкал клювом в палочки, шишки, иногда что-нибудь подбирал

и таскал в клюве. Когда он проголодавался, то разыскивал меня и начинал громко орать, приседая и разевая клюв.

Постепенно Карлуша стал подлетывать, взлетал на забор и на нижние ветки деревьев. Взлетать вверх оказалось легче, чем слетать вниз. Застряв на ветке дерева, он долго топтался по ней, поджидая, когда я пройду мимо, и тогда кубарем сваливался мне на голову или на плечо, впиваясь острыми когтями, чтобы удержать равновесие. Благополучно приземлившись, Карлуша умиротворенно устраивался у меня на плече и начинал общаться: издавая тихие нежные звуки, он перебирал клювом мои волосы, дергал за сережку, слегка пощипывал ухо, терся головой о щеку.

У нас во дворе лежала куча сосновых неошкуренных бревен – мне предстояло топором снять с них кору. В этих бревнах водились небольшие жуки-стафилины. По виду они напоминали крупных черных муравьев с мощными полукруглыми челюстями. Однажды я увидела, как Карлуша расхаживает по бревнам, что-то там высматривая. Через некоторое время он уже сидел на заборе в очень странном состоянии: весь нахохленный, тяжело дыша, глаза закатились, клюв раскрыт. Я подошла, заговорила с ним, потрогала – никакой реакции. Тогда я заглянула ему в рот и обомлела – в горле вороненка, вцепившись челюстями в тонкую кожицу глотки, висело несколько стафилин, и ни проглотить, ни выплюнуть их он не мог.

Я взяла пинцет и аккуратно одного за другим вытащила жуков. Это должно было быть очень больно, но Карлуша си-

дел смирно и не шевелился, пока я не закончила. Это был ему хороший урок.

На следующий день он опять ходил по бревнам. Вид у него был очень злой. Вообще я всегда могла определить, в каком Карлуша настроении. Это было видно по выражению его «лица» и глаз, по тому, как плотно к телу и голове были прижаты перья. В благодушные моменты он весь распушался, перья на голове и вокруг клюва становились торчком, выражение глаз менялось. В тот день он был явно не в духе. Я подошла поближе посмотреть, что он там делает. Это был час расплаты. Увидев стафилину, Карлуша клювом яростно раздалбливал ее в лепешку и только потом проглатывал. Разделавшись таким образом с кучей жуков, он улетел в лес восстанавливать душевное равновесие.

Эта ворона принимала участие во всех моих делах. Одним из его любимых занятий было мытье посуды. Накопив некоторое количество посуды, я несла ее мыть на озеро. Разложив на берегу кастрюли, тарелки, вилки и ложки, принималась за дело. Карлуша был тут как тут. Начиналась игра. Убедившись, что я не подсматриваю (а я делала вид, что не смотрю), он боковыми подскоками подкрадывался и утаскивал кусок мыла или ложку. Отойдя на некоторое расстояние, он рыл клювом ямку, заталкивал туда свой трофей и сверху закладывал камешком. Если я в этот момент поворачивалась и говорила:

– Ах ты разбойник, ну-ка отдай! – Он издавал скрипучие

звуки, с недовольным видом выкапывал спрятанное и ходил по берегу, дожидаясь, пока я опять отвернусь.

В спокойные дни, когда на озере не было волн, вода тихонько накатывалась на берег, шелестя мелкими камешками. Это было еще одно развлечение Карлуши. Он бежал вдогонку за убегающей волной, а потом с такой же скоростью пятился назад от наступающей волны, при этом пытаясь поймать перекатывающиеся камешки.

Другим его любимым занятием было посещение дома. С важным видом переступал через порог, входил в комнату и осматривался – чем бы таким заняться? Завидев на столе буханку хлеба, он раскрашивал ее на мелкие кусочки и сбрасывал на пол. Затем подлетал к умывальнику брал мыло и бросал его в ведро с питьевой водой. Скидывал на пол с полки катушки. Дальше наступал черед цветов. Я безуспешно пыталась развести традесканцию, чтобы она вилась по стенам. Прибив к стене консервные банки и наполнив их землей, я натыкала в них черенков. Карлуша методично облетал эти банки, выдергивал отростки и бросал их на пол. Войдя в комнату и застав его за всеми этими безобразиями, я начала его ловить. Зная, что ему грозит наказание, он, каркая, метался по комнате, все сшибая на своем пути. В конце концов, я загоняла его в угол, и расплата казалась неминуемой. В этот момент Карлуша проделывал свой излюбленный трюк: распушал перья, поднимал хохолок на голове, закатывал глаза, приседал и подставлял мне голову, всем своим видом показывая, какой он хороший и послушный, и что ему надо за

ушком почесать. Естественно, моя карающая рука зависала в воздухе, и мне больше ничего не оставалось, как почесать ему голову. Мир восстанавливался, но Карлуша все равно быстро выпроваживался на улицу.

С собаками Карлуша держал нейтралитет, но не упускал случая их подразнить. Выждав удобный момент, когда собака бежала по своим делам, ничего не подозревая, он залетал сзади, пикировал на собаку и, пролетая над ее головой, хлопал крыльями по кончикам ушей. Собака взвивалась, визжа и лая от досады и неожиданности, а Карлуша усаживался на дерево, дожидаясь, когда улягутся страсти, чтобы повторить свой трюк.

К тому времени он уже подрос, свободно везде летал, сам добывал себе пропитание, ночевал в лесу, но каждое утро был тут как тут. Стоило мне выйти из дома, как он с радостными криками сваливался на меня откуда-то сверху и усаживался на плечо. Это было утреннее приветствие и ритуал. Сначала я должна была его чем-нибудь покормить, потом он

чистил мне «перышки» – так начинался наш день. Другим нашим ритуалом-игрой было следующее: я садилась на корточки, протягивала к сидящему на земле Карлуше вытянутую руку ладонью вверх и говорила:

– Ну иди, иди сюда.

Он делал вид, что побаивается и никак не может решиться. Потом боком-боком, осторожно залезал мне на ладонь, поднимался по руке вверх и устраивался на плече.

Со временем он стал подолгу пропадать в лесу, но каждый день непременно возвращался, чтобы пообщаться.

Однажды, вернувшись из леса, Карлуша сел мне на плечо, и я почувствовала резкий запах муравьиной кислоты. Так повторилось несколько раз. Я терялась в догадках и не находила этому объяснения. И вот в один прекрасный день тайна раскрылась. Я шла по лесу и набрела на большую муравьиную кучу. На вершине кучи, распластанный, лежал мой Карлуша и выглядел совершеннодохлым. Голова свесилась, крылья растопырены, глаза закрыты, все перья стоят торчком, сквозь них просвечивает розово-синяя кожа, по которой ползают полчища муравьев. Зрелище было душераздирающее. В отчаянии я потрогала его. Карлуша открыл один глаз, укоризненно на меня посмотрел, быстро собрал в кучу все свои конечности, резко отряхнулся и прыгнул с муравейника.

Мне выдалась уникальная возможность увидеть, как птицы избавляются от паразитов, принимая «муравьиные ванны». Муравьи беспрепятственно пробираются внутрь через стоящие торчком перья, выбирая блох, клещей и пухоедов, в изобилии живущих на теле птицы. Так как Карлуша лежал совершенно неподвижно, муравьи его не кусали.

Отрывок из письма:

«Были здесь недавно немцы – корреспонденты. (Я выезжала в Давишу за продуктами и взяла Карлушу с собой.) Так они меня полчаса мучали. Все говорили, что отыскиали в та-

ежной глуши Джоконду с ручной вороной. Всю зафотографировали, записали интервью на два магнитофона. Карлуша все это время сидел у меня на плече, и мы с ним разные фокусы проделывали для этих немцев. В копир концов он “наделал” им на магнитофон, чем привел их в искренний восторг. Записали на магнитофон и его ангельский голосочек. В общем, живем здорово, на всю катушку. Вокруг тайга, озеро, ручные звери, закаты и, главное, хорошие люди. И хорошо, что вообще мало людей...»

«Дача»

Иногда на выходные к нам приезжали гурьбой лесники и «научники» из поселка. Наш кордон был для них чем-то вроде дачи, где можно было порыбачить, попить водки и даже поохотиться вдали от вездесущих глаз жен и начальства. Радистка Нина коротко предупреждала меня по рации:

– К вам едут. Готовьтесь.

Всю эту компанию надо было чем-то кормить. Тут уж приходилось выкладывать все свое умение и готовить, и накрывать, и вообще быть хозяйкой. Я замешивала за день тесто, пекла хлеб. Также моим спасением были оладушки со сгущенкой, которые я наловчилась быстро делать. Иногда приносили с собой гитару и просили меня петь. Наевшись, напившись и нагулявшись в первый день, вся компания засыпала вповалку на полу, кто на чем.

На следующий день обычно ездили на рыбалку. Лесники привозили с собой сети и спиннинги. Рыболовные сети в то время были большой ценностью. Купить их было практически нигде. Часто привезенные сети оказывались безнадежно спутанными, с застрявшими в них водорослями и всяким мусором. Эти клубки вываливали на берег и говорили:

– На-ка вот, распутай. Прежде чем учиться ставить сети, научись сначала их распутывать. Тренируй терпение.

Не знаю, сколько часов в общей сложности я потратила на распутывание этих сетей. Могу только сказать, что процесс этот был сложным и бесконечным, иногда доводившим меня до отчаяния. Рвать сети было нельзя. На одну сеть могло уйти от трех до пяти часов. Зато потом меня брали с собой «в море» и учили, как правильно ставить сеть. Меня сажали на весла и говорили, в каком направлении и с какой скоростью грести. Было интересно наблюдать, как сложенная в лодке сеть потихоньку разматывалась и плавно уходила в воду. Но конечно, проверять сети было гораздо интереснее. Главным уловом был знаменитый байкальский омуль, хариус, иногда попадались небольшие осетры, но мы их выпускали. Позже я самостоятельно стала ездить ставить и проверять сети. Карлуша всегда меня сопровождал. Он садился на нос моторки, распластавшись и плотно прижав к телу перья, чтобы его не сдуло ветром. Когда я вынимала рыбу из сети и бросала ее в лодку, Карлуша выклевывал у рыбы глаза, а мелких рыб съедал целиком.

В полукилометре от кордона в Байкал впадала небольшая речка. В ее устье водились линки и таймени. Туда мы ходили рыбачить со спиннингом. Один раз лесникам удалось поймать огромного тайменя. Вдвоем они еле дотащили его до кордона и потом рубили на куски топором.

Однажды Карлуша прилетел на кордон и начал как-то странно себя вести. Он был возбужден, то подлетал ко мне, то отлетал, как будто звал меня куда-то. Я пошла. Он углубился в лес, но все время возвращался, чтобы убедиться, что я иду за ним. В конце концов, он вывел меня к этой речке, сел на высокую сосну и стал каркать. В устье удили рыбу два незнакомых человека.

Часто с компанией приезжал лесничий нашего участка. Звали его Владимир Николаевич, было ему лет тридцать. Вместо левой кисти у него был железный протез с надетой на него черной кожаной перчаткой, что в моих глазах придавало ему мужественный и несколько загадочный вид. Владимир мне немножко нравился, хотя был безнадежно женат. Чувствуя мое расположение, он любил подтрунивать надо мной и «учить меня жизни».

– Что ты как неживая! Деревенская баба давно бы уже управилась. И стеклышки у керосинок у тебя нечищенные. У хороших хозяек стекла должны блестеть.

Мне становилось стыдно. Разумеется, к следующему приезду все стекла у керосинок блестели и все было вмиг при-

готовлено. Замечал и хвалил.

Однажды Володя привез с собой самодельный обрез – винтовку с нарезным стволом и коротким прикладом и коробку пуль. Иметь и хранить такое оружие не разрешалось. Он дал все это мне и сказал:

– На, спрячь, пусть здесь у тебя хранится. И смотри, никому не проговорись.

Это было верхом доверия, и я очень гордилась. Мы вместе проделали процедуру прятанья – завернули обрез в промасленную бумагу, пошли в лес, выдернули небольшую елочку, засунули сверток в яму и посадили елку на место. Получилось идеально. Теперь главное было не забыть место. Приехав на кордон в другой раз, Володя говорил:

– Пошли постреляем.

Мы шли в лес, откапывали обрез, он ставил мне консервные банки, на которых я и практиковалась. Винтовка стреляла почти бесшумно, с легким щелчком.

Надо сказать, что слово «москвичка» было почти ругательным и действовало на местных как красная тряпка на быка. Всем сразу очень хотелось меня подковырнуть, испытать, поучить жизни или показать, как мало я умею и вообще мало на что способна.

Отрывок из письма:

«... С меня тут быстро сбили спесь (не-умышленно, как-

то само получилось), и я вдруг увидела, что ничего толком и делать-то не умею. Открытие не из приятных, но зато это первое серьезное столкновение с жизнью, которую я себе избрала. Так что начала я с нуля. Может, в городе я чем-то и отличалась от своих сверстников, но здесь все наоборот. Учусь колоть дрова, пилить, доски строгать рубанком, появляется и хозяйственная хватка. Учусь еще стрелять из ружья. Ведь первый раз стреляла из настоящего двуствольного ружья. С первого раза попала в черепушку, хоть и с довольно близкого расстояния. И вообще, мам, я тут интересные наблюдения за собой произвела: я разучилась обижаться. В тот день, когда я поняла, что не умею толком ничего делать, у меня появилось какое-то жуткое презрение к собственной персоне и зло на то, что, во-первых, потеряла, так сказать, столько лет, ничему не научившись, и, во-вторых, что хватало наглости думать и говорить, что вот я такая, все могу и все знаю. В тот день я довольно мужественно перенесла этот переворот и даже виду не подала, но с тех пор все это глупое самолюбие как рукой сняло. Я поняла, что просто не имею права обижаться, когда мне в лицо говорят о моих недостатках, или, может, даже и посмеются. Здесь так: сумеешь выдержать, отшутиться, не обидеться – примут, будешь «своим» человеком. Мне повезло, что я с самого начала быстро сошлась с людьми и успела за разговорами много намотать на ус и сейчас все это постепенно использую...»

Зырин

В Баргузинском заповеднике был директор, но он как-то мало фигурировал в жизни заповедника. Всем хозяйством заправлял главный лесничий. Это был странный человек.

Очень худой, голова огурцом, белесые глаза без ресниц, тонкий прямой рот. На лице как будто застывшая маска без выражения. Он никогда не улыбался, разговаривал сухо и монотонно, всегда носил форму, которая была тщательно отглажена и застегнута на все пуговицы. Двигался он тоже как-то странно, невпопад размахивая руками. И фамилия у него была соответствующая – Зырин. В поселке его побаивались и недолюбливали. На меня он действовал как удав на кролика и вызывал панический ужас.

Однажды Нина сообщила по радию, что на кордон собирается очередная компания и с ними Зырин.

– Мужайся, – хихикнула Нина в радию.

Пережив короткую паническую атаку и смирившись с неизбежным, я замесила тесто для оладьев. Компания прибыла. Меня, как обычно, посадили на берегу распутывать сетку. Карлуша смотался в лес, он не любил посторонних. К вечеру начался обычный «гудёж». Зырин, прежде чем сесть за стол, вытащил из кармана чистую тряпочку и протер свою тарелку, вилку, стакан, стол вокруг себя и руки. После нескольких стопок он раскраснелся, в глазах появилось вы-

ражение, и он вдруг заулыбался, начал что-то рассказывать и отпускать шуточки. Даже похвалил мои оладушки. Улыбка у него была какая-то неловкая, как будто мышцы лица пытались восстановить давно утраченную функцию.

Я наблюдала эту метаморфозу и мне вдруг стало ужасно его жалко. Страх прошел, и за этой холодной непроницаемой личиной я увидела несчастного, закомплексованного и, наверное, очень одинокого человека. Оказалось, что у него есть имя (кроме как по фамилии, его никто и не называл) и любимая собака, что он любит рыбачить и просто ходить в лес. Потом он порасспрашивал меня, как мне здесь живется, чем я занимаюсь. Мы даже немножко подружились. В конце концов, он улегся спать на свой матрас, даже забыв протереть тряпочкой место, и заснул с улыбкой на губах. Утром он, как обычно, был сух и неразговорчив, но я-то знала...

Проводя много времени в одиночестве, я пристрастилась к чтению. До этого я читать не очень любила. Учась в школе, прочитывала только программные произведения, и то по диагонали. Читала в основном книги на природно-зоологические темы. На кордоне обнаружился большой запас книг. Целые собрания сочинений. Я перечитала всего Мопассана, Золя, Стендаля и Голсуорси, Бальзака, Джека Лондона. Когда Владик бывал дома, он часто читал мне вслух. Мне открылся новый мир.

Во мне стала пробуждаться тяга к знаниям, вдруг захо-

телось учиться. Тогда-то я и решила, что, когда вернусь в Москву, обязательно буду поступать на биологический факультет.

Браконьеры

Рыбное браконьерство было большой проблемой для заповедника и озера в целом. Браконьеры заплывали в заповедные воды на маленьких и больших судах, тоннами вылавливая омуля.

Однажды я в очередной раз осталась на кордоне одна. Владик ушел на несколько дней в обход с приехавшим из Давши лесником. На берегу остался катер лесника. Выйдя на берег, я увидела, что в направлении кордона плывет большой рыболовный бот. Я пошла домой, надела свой форменный китель и фуражку и вернулась на берег. Подплыв к берегу, насколько позволяла посадка, бот сел на мель. На борту оказались два пьяных и злых мужика. Увидев на берегу катер лесника, они стали кричать, чтобы я сказала им номер катера. Я отказалась. Тогда один мужик говорит другому: – Дай-ка мне ружье, я ее сейчас шлепну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.